

Когда торжественная часть подошла к концу, воины и женщины Сюэди пустились в пляс, хлопая в ладоши. В лучах заходящего солнца лица людей светились искренней радостью.

— Как же весело эти степняки танцуют! — Сухэ с любопытством озирался по сторонам. — Смотрите, господин! Вон та девушка... Какая ловкая! Танцует с чашей на голове и ни разу не качнулась. Изумительно!

Линь Чжаочжао проследил за его взглядом и сразу заметил ту, о ком говорил слуга. Девушка из племени Сюэди, стройная и статная, двигалась в танце с удивительной силой. На ней был серо-розовый халат, её руки извивались, точно гибкие змеи, а улыбка на ярком лице напоминала распутившийся в степи дикий пион.

«Это она», — Линь Чжаочжао сразу узнал её.

Цицигэ — «цветок степей», прославленная красавица Сюэди и двоюродная сестра Сюйлегээр. В прошлой жизни Чжаочжао почти не покидал юрту и мало с кем общался, но эту девушку он запомнил навсегда. Однажды, ослеплённая желанием стать наложницей своего героя, она приставила кинжал к горлу Линь Чжаочжао.

Тогда он никак не мог взять в толк: зачем благородной деве так унижаться ради места младшей жены при дикаре? Ведь даже в Великой Ся участь наложницы в богатом доме считалась незавидной. Лишь позже, лучше узнав нравы степей, он понял: здесь, где царил суровый закон силы, а женщин часто считали лишь добычей или средством для продолжения рода, Сюйлегээр был редким исключением. Он уважал волю своей половины.

В глазах этих женщин Чжаочжао, который занимал место рядом с самым доблестным воином и при этом вёл себя своенравно, не исполняя долга супруги, был величайшим грешником, не ценящим своего счастья.

Пока Чжаочжао предавался воспоминаниям, Агусу ласково подтолкнула его к костру, побуждая присоединиться к общему веселью.

Линь Чжаочжао замялся. Он десять лет провёл за чтением канонов мудрецов и столько же — в облике немощного больного. Тело его было слишком не привыкло к подобным движениям, но, видя всеобщий задор, он всё же решился пару раз неуклюже взмахнуть руками.

Девушка с чашей на голове в вихре танца приблизилась к нему. Высоко задрал подбородок, она смерила его вызывающим взглядом.

— Вы, люди из Срединной империи, танцуете из рук вон плохо.

Линь Чжаочжао не рассердился на колкость.

— Я и вправду не умею танцевать, — мягко ответил он. — Твоё искусство куда выше моего.

Цицигэ явно не ожидала услышать степную речь, а уж тем более — столь чистосердечную похвалу. Она на миг замерла:

— Что ты сказал?

— Я сказал, что ты танцуешь прекрасно, — повторил он с лёгкой улыбкой.

— Не... не думай, что если ты смазлив лицом, то тебе всё дозволено! — выпалила Цицигэ. Её щеки вспыхнули, сердце забилось в смятении, и в этой минутной слабости она не удержала равновесие.

Раздался резкий звон. Расписная чаша соскользнула с её головы и разлетелась вдребезги о камни.

— Цицигэ, что ты натворила?! — вскричала подбежавшая Агусу. — Ты разбила чашу, предназначенную для благословения вождя и госпожи!

— Я... — Девушка застыла, не зная, что ответить.

Заметив смятение, Суюлегеэр, который всё это время не сводил глаз с Чжаочжао, размашистым шагом направился к ним. Прежде чем Чжаочжао успел вставить хоть слово, вождь уже вырос между ним и Цицигэ. Его взгляд потемнел от гнева.

— Вождь, я не нарочно! — Цицигэ вскинула голову, в её голосе мешались обида и горячность.

— Уходи, — ледяным тоном бросил Суюлегеэр.

От этого холода девушка вздрогнула. Обида захлестнула её, она злобно сверкнула глазами на Чжаочжао и замахнулась, чтобы толкнуть его:

— Всё из-за тебя!

Суюлегеэр перехватил её руку за запястье и без тени жалости отшвырнул в сторону. Девушка не удержалась на ногах и упала на землю. Чжаочжао охнул от неожиданности — он не думал, что вождь может поднять руку на женщину. Цицигэ сидела в пыли, закусив губу; в её глазах стояли слёзы.

— Уведите её, — приказал Суюлегеэр. К ним тут же подошли двое дюжих воинов и, подхватив Цицигэ под руки, потащили прочь.

— С тобой всё в порядке? — Суюлегеэр повернулся к Чжаочжао. Тот выглядел настолько ошеломлённым, что у вождя защемило сердце.

Линь Чжаочжао покачал головой:

— Куда её увезут?

— Я отправлю её обратно в кочевье её отца. — Мужчина помедлил. — Как ты хочешь наказать её?

— Если ты спрашиваешь меня, то я не вижу нужды в суровости. Это всего лишь чаша, к тому же она разбила её не со зла. В наших краях говорят: «Посуда бьётся к счастью» — значит, она забрала на себя беду.

— Но она хотела ударить тебя... — голос вождя оставался жёстким.

— Много ли силы в руках юной девы? — отмахнулся Чжаочжао. — От одного толчка со мной бы ничего не случилось.

— Ты ведь тоже... хрупкая, — Сюйлегээр нахмурился. — Женщины бывают разными. Цицигэ с семи лет объезжает коней, она не чета тебе.

«Что он хочет этим сказать? Неужели я выгляжу слабее девчонки?» — Линь Чжаочжао едва сдержался, чтобы не выругаться. Мысленно он окрестил вождя неотесанным болваном.

Что за нелепость! Пусть он и переодет женщиной, но в нем все же шесть чи роста [1], он — взрослый мужчина. Неужели он не сдюжит против степной девчонки?

Сюйлегээр промолчал. В его глазах ноги Чжаочжао, скрытые под подолом, были куда тоньше и слабее рук Цицигэ. Если бы дело дошло до драки, исход был бы предрешен. Сюйлегээр не умел лгать, но, глядя на оскорбленное лицо Чжаочжао, предпочел промолчать.

— Ха! — Чжаочжао нервно рассмеялся.

Гордость столичного мужа была уязвлена этим молчанием. Охваченный капризным гневом, Линь Чжаочжао легонько пнул вождя по голени.

В ту же секунду он забыл, что его собственные ступни еще не зажили от натертостей. Удар не причинил вождю вреда, но сам Чжаочжао болезненно вскрикнул и зашипел от боли.

«Проклятье! Ноги этого дикаря из камня высечены, что ли?»

— Что случилось? — Сюйлегээр тут же подхватил его под локоть, не давая упасть.

— Ничего... — Чжаочжао смахнул выступившие от боли слезы и попытался сделать вид, что всё в порядке.

Но в глазах мужчины этот покрасневший взгляд выглядел бесконечно трогательным. Сюйлегээр, не говоря ни слова, подхватил Чжаочжао на руки.

— Что ты творишь?! — Чжаочжао в испуге обхватил его за шею.

Они оказались так близко, что Сюйлеггеэр почувствовал тонкий, изысканный аромат, исходящий от юноши. Словно дикий цветок, распустившийся среди снегов — легкий, свежий, манящий сорвать его и прижать к себе.

— Не шевелись, — выдохнул Сюйлеггеэр, сглотнув.

Заметив, что вождь несет красавицу в шатер, люди вокруг начали радостно улюлюкать и кричать.

— Скорее, иди скорее! — Чжаочжао уткнулся лицом в широкую грудь мужчины, умирая от стыда под взглядами сотен глаз.

Слыша этот дрожащий шепот, Сюйлеггеэр на миг пошатнулся, едва не сбившись с шага. Линь Чжаочжао и не подозревал, что его мольбы действуют на вождя сильнее хмельного вина.

Только оказавшись в шатре, Чжаочжао смог вздохнуть спокойно. Мужчина осторожно опустил его на ложе. Чжаочжао тут же метнул в него яростный взгляд, хотя лицо его всё еще пылало румянцем.

Вождь же видел в этом гневе лишь чарующее кокетство.

— Ты... сердисься? — тихо спросил Сюйлеггеэр.

— С чего бы мне сердиться?

С тихим звоном Линь Чжаочжао опустил бисерную завесу, отгораживаясь от обжигающего взгляда.

— Что с твоей ногой? — Сюйлеггеэр посмотрел вниз.

Не успел Чжаочжао ответить «всё в порядке», как вождь уже снял с его ноги расшитый сапожок.

— Что ты делаешь! — Чжаочжао попытался отстраниться, но его лодыжку крепко зажали в ладони.

— Ты ранен, — твердо произнес Сюйлеггеэр, заметив пятна крови на чулке.

— Пустяки, просто кожу натер. Через пару дней пройдет. — Если бы не этот нелепый пинок, рана бы уже начала затягиваться.

— Я принесу мазь. — Сюйлегееэр быстро вышел и вскоре вернулся с костяной баночкой.

— Я сам! — выкрикнул Чжаочжао, заливаясь краской.

Вождь не стал спорить и передал ему лекарство. Когда прохладная мазь коснулась кожи, Чжаочжао невольно вздрогнул. Он поднял глаза и увидел, что Сюйлегееэр всё еще стоит за завесой, не отрывая от него взгляда.

— Уходи... — Линь Чжаочжао было не по себе под этим взглядом. В шатре стало слишком жарко от неловкости.

Мужчина молча повиновался. «Даже ступни у него белые и нежные», — подумал Сюйлегееэр, вспоминая мимолетное прикосновение. Ему нестерпимо захотелось вновь коснуться этой кожи, прижать к губам...

Опасаясь собственных желаний, вождь поспешил прочь из шатра, пока не натворил глупостей.

Линь Чжаочжао закончил с лечением. Снаружи постепенно стихал шум праздника. Он лег на бок, уверенный, что этой ночью дикарь уже не вернется.

В прошлой жизни из-за его холодности они всегда спали порознь. Скоро по племени поползли грязные слухи: одни винили Чжаочжао в заносчивости, другие шептались, что у вождя «проблемы с мужской силой». В степи продолжение рода — священный долг. Тогда Сюйлегееэр молча сносил эти унижительные пересуды, а Чжаочжао, пользуясь его защитой, делал вид, что ничего не замечает.

Теперь же ему стало горько от мысли, что великий вождь терпел насмешки из-за его упрямства. Поворочавшись с боку на бок, Чжаочжао не выдержал. Он откинул полог и вышел наружу.

Увидев одинокий силуэт мужчины у затухающего костра, он стиснул зубы и, преодолевая боль в ногах, шаг за шагом направился к нему. Сюйлегееэр обернулся, его лицо выразило крайнее изумление.

— Идем в шатер, — бросил Чжаочжао, глядя на пляшущие языки пламени. Он не смел поднять глаз на мужа.

Сюйлегееэр замер, решив, что Чжаочжао просто боится оставаться один.

— Не тревожься. Я знаю, что ты не хочешь... Я не коснусь тебя. Иди, отдыхай спокойно.

— К чему эти пустые слова? Я сказал — идем, значит, идем! Мне что, на коленях тебя умолять? — вскинулся Чжаочжао, точно взъерошенный котенок, скрывая за грубостью смятение.

Вождь, чей авторитет в степи был непререкаем, лишь плотно сжал губы и не решился перечить. Полагая, что его всё равно выставят за дверь среди ночи, он послушно последовал за юношей в шатер.

<http://bllate.org/book/13696/1441291>